

26 ИЮН 1966

«СМЕНА»

НАШ «СОВРЕМЕННИК»

Весной этого года исполнилось десять лет театру «Современник». Слово «современник» вряд ли подходит к этому и поныне самому молодому театру страны.

7 часов утра.
В этот ранний час в «Современник» приходят уборщицы, и много необычного в этом нет. Ни два раза в месяц еще издали они выдвигают очереди. И это необычно. Люди стоят вдоль стены, прислонясь головами к жидкой стене витрины. За стеклами витрин лишь парные стропы называют: «Два», «Три», «Четыре», «Пять», «Шесть», «Двое на четверть».
3 очереди выстраиваются в очереди и стоят всю ночь. Как не когда во МХАТе. Стоит «Современник» публике. Ее все извещают, что там, в витрине, «Чужие» просят.

— Это что, за билетом в театр?
— Да, а что?
— Нет, а я подумал...
— Вы подумали?
В очереди ирония. Но очередь добрая, начинающего театрала для прилежного она отличает.

— Становится, не прогадает! 10 часов утра.
Л. О. Орлов, директор распределителя (так называется в «Современнике» эта канцелярская должность) перелистывает календарь. На столе, рядом с календарем, папка служебных переписки.

— Ну что здесь интересного? — спрашивает Леонид Осипович. — Посмотрите пока. Театр как театр, кружковцев с утра до вечера...

Вечный символ канцелярщины, с пробитыми скорострелами бумагами, на самом деле — роман-хроника. Если кому-нибудь пришлось бы в голову опубликовать ее, получилась бы каждая документ, если бы...
«Нх, номер. Число, подпись. Начальник пожарной части № 8».

Театр «Современник» просит выдать на временное пользование пожарной наценку. Возврат наценки гарантируется по первому требованию.

Если «Современнику» что-нибудь понадобится, он берет все Москва, но никто не представляет, что ему понадобится. Оттого, должно быть, когда секретарше Рае продиктовали письмо в Московский союз с просьбой выдать одного слова («1 слон, жив»,) необходимого для репетиции пьесы, Раа, ни секунды не утратившись, отпустила бумагу и положила ее на поднос Олегу Ефремову.

Это, разумеется, был один из многочисленных розыгрышей, которые так любят в театре. Иск номер. Число. Подпись. При сем препровождаю сводку.

Форм. №. Состав труппы... Всего — 34 чел.

До 30 лет — 15
от 31 до 40 — 18
от 41 до 50 — 1
Эту сводку не нужно полени. Она сама поясняет многое. «Современник» остается самым молодым театром страны. 11 часов утра.

Начинается репетиция. Сегодня прогом первого действия «Обыкновенной истории». За режиссерским столом Галина Волчек. Рядом с ней консультант по методам Зинаида Григорьевна Волдыряева.

Галина Заринава в сильном тоне: «Репетиция в ней смысле — это репетиция, а не репетиция». «Современник» каждый час издает документ. Ефремову! У нее наступил тот момент в работе над спектаклем, который ложится на перах в газет. Уже много сил затрачено на восхождение, и видна, наконец, вершина, и невозможно надежды идти. Все опять, что после вершины начнется спуск, станет полетом, и будет виден пункт прибытия.

У Галины Волчек, актрисы редкостного своеобразия и обаяния, весьма своеобразная манера режиссерского показа. Она не проигрывает сцену, она ее раскрывает и только в крайнем случае выбрасывает пластичность.

— Вы не так прощались, мы ведь решили это, — говорит она Табакову... — Конечно, Галина! Поцелуй! И слова Соменца! Сашенька! Поцелуй. Вот как...

Но уж если Галина Борисовна надо, чтоб дошло до артиста, она найдет примерчик. Ничего, что Олег Павлович сразу понял, как именно он должен провести разговор с Лидочкой... 2 часа дня.

Репетиция идет к концу. Возле служебного подзема позвонил авторская машина с надписью на борту «Кино-стемочка».

Представители киностудии надели сценическую одежду. Их можно разделить на три группы.

Первая группа «юноки» актеров, уже занимающихся в фильме. Вторая группа «девушки» актрис, уже занимающихся в фильме. Третья группа тихая. Представители ее обматываются директором распределителя. Их бы

Спешат на «двух измерениях» и в трех этажах.

разрешение «ей» или «ему» сниматься в фильме. Им бы только разрешение.

И есть третья группа. И Олег Николаевич берет в руки сценарий. А в большом, как площадь, вомере одесской гостиницы «Красная» на кровати лежит тот простыней прилежавший из Москвы артист «Современника» Евгений Евстигнев.

Он думает о том, как успеть «пересудить» фильм, в котором он снимался, и послезавтра вовремя прилететь в Москву, чтобы не сорвать вечерний спектакль.

В этот раз он снымился на Одесской студии в картине «Верьность». Играл роль майора, у которого фашисты убили семью. Роль небольшая, но в кинотеатре Евстигнева одна из самых удачных.

Вечером за столиком полу-многом ресторана усталый, но отточенный еще от работы Евгений говорит об искусстве актера.

Мне нравится Колосов, Андрей Попов... Мне вообще нравится актер, у которого что-то такое есть, что никогда не высказывался. Вот он играет, у него блестящая форма, он все может... он остановился... Ну вот сейчас он что-то скажет... свое, самое главное... вот-вот... А он и не сказал, а так и ушел, унес это...

Вспоминается Достоевский: «Хотя и не объяснил словами все, надуманную идею и восторг, оставался же в загадке». Достоевский у Евстигнева впервые — это его автор...

4 часа дня
Завсудующая труппой Лидя Постникова нервничает.

«Приедет или не приедет? Надо бы узнать, как самолет из Одессы, куда улетел на «коммунашке» Евстигнев... машину послать...» Она так неосторожно перебегает улицу, — думает Лидя Постникова и идет зловония в справочную...

Евстигнев подсчитывает часы, проведенные в воздухе актерами «Современника», театр давно был им так близок, как летит миллионы километров. «Экономьте время...» — думает завсудующая труппой. А что же будет беречь первый?

Все делается ради этого дня. И чем ближе он, тем быстрее они живут. Даже то, как говорят по телефону, как бегут они по улице, как проносятся по коридорам театра, министерств, министерств, райсоветов, милиции, райкомов, редакций, радиокомитетов, телецентра и бог знает каких еще мест, где можно их встретить вдруг, — даже это движение происходит в ритме «этих дней».

И этот день приходит. Двери в зрительный зал от-

мет его и будет манить к себе. 9 часов вечера.

Ожидания спускаются «Назначение», публика разошлась, но тепло ее еще сохраняет. Файе и артефактный зал и здание, вырытые коридоры рабочей половины театра.

По коридору спускается Олег Табаков, уходит ему не хочется. Он в глумовато-счастливом состоянии. То прислонится к стене, то перешагнет в другой, в руках его болтается ракетка ping-pong.

— Ну, пойдем, я тебя разглаголю. Какому сейчас предидеи. Что-то с этим спектаклем происходит... — Что?

— Нуное дыхание... Не устала, а просто не легче и легче. 11 часов вечера.

В этот час, если ничего не предвидится, они покидают театр. Можно прийти, наконец, на работу. Если же хочется, уехать заглянуть в Дом актера, посидеть в реторанчике, увидеться с ребятами, на других театров, бывающих с ними.

В то же время, когда основательно «Современник» существовал в Москве кафе артистов, художников, журналистов. Как говорится в этих случаях, будущий историк театра непременно должен будет вспомнить о нем. Это извещало и ленивые задумывающиеся «Артистическое» против МХАТа.

Приводим здесь вкратце, а ты и дни, бы палею, ученики студии Художественного театра, нахватались сюда чего-нибудь пересказали. Некоторые из них стали потом артистами «Современника». Сюда приходили молодые художники, понаблюдав свои рисунки, рисовали тут же, на бумажных салфетках.

Сюда же митинговали Лидя Табакова и являлись с большим портретом Олег Табакова, которого все признавали за мальчишеским. Как говорится, уже и тогда, а в портрете его помещалась вся канцелярия начинающего театрал, он исполнял в нем обязанности общественно-го директора (тепер Олег ходит с элегантною палочкой).

Нет, будущему историк «Современника» нельзя обойти это место! 12 часов ночи.

По титровой стопке мундир «Москвы» на первом этаже здания — военная фуражка. Ее видно в тьмелые окна. Полеми у Коляновна военная фуражка! Мундир, привидения!

Только что он выступал на ветресе со зрителями. Проломил соборным, что ему совсем не было равно, кто сидит в зале, что он должен знать уровень аудитории, но оттого ависит уровень разговора, а разговор вообще, обобщение зрителя с «любым актером» он считал для себя уничижительным. Такой разговор ничего не давал ему, ни зрителям, ни тем, кто его театр, который он на этой ветресе представляет.

Артисты «Современника» — молодые интеллигентные шестидесятники родом.

«Москвичи» останавливаются у служебного входа.

В самом деле что-то произошло. В очках актер Ковалевский. Моей бы, ночная репетиция, что-нибудь вполночь, может быть, аврал, может быть, попятываю пьесу. Все может быть... А. СВОБОДНО.

Юлия не было, но принятие подражания, что ни говорить, приятно.

Фото М. МУРАЗОВА.

кбты. В фойе свет. Между буфетом, где солил кофеяра, и леват верные яда, в стеной зрительного зала — друзья театра. Их много у «Современника».

Обсуждают новости, настроения, говорят вполголоса. Это неслучайно. Советская власть совет. Предост божав операция, надо учесть ресурсы.

Наконец все в зале. Подъем. Директор отсчитывает не надают. Вбегивший Олег Ефремов проносится в первый ряд. В гнев он измещен.

Почти.

Стоит повторить.

— хрипло кричит он.

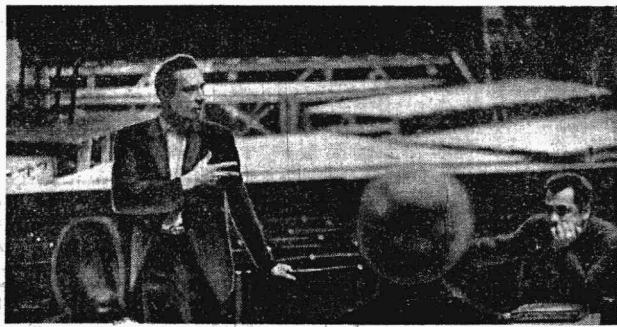
Начали.

— Стан! Полеми не погасил! Та-та-та! Обратное все!

Ефремов пулей взлетает на сцену. Он ничего не весит. Директор рассердился. Набавлять и любу, говорит машинисту мекко: — Делай, не волнуйся, спокойно.

Начали, ок, начали.

Но ведь это еще только начало, дилерид еще ночь, «сирок», как они говорят, но дорогов им, как дорогов актер Ковалевский. Набавлять и любу. По закону театральной физиологии пойдет-то он где-то на десятком, а то и на индифферентности и нестерпимости с помощью публики, которая при-

Олег Ефремов репетирует.